

Мартыненко Александр Валентинович, Грачева Елена Захарьевна

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)

В статье анализируются особенности российско-иранских торговых отношений первой половины XIX века в контексте формирования межконфессиональной толерантности. Прослеживается зависимость между конфессиональной принадлежностью и социально-экономическим статусом представителей так называемого "восточного купечества", осуществлявшего торговлю с Россией. Показано, что экономический прагматизм и соображения взаимной экономической выгоды стали прочной основой для стабильного межкультурного диалога и религиозной веротерпимости в отношениях между мусульманами и христианами разных конфессий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 108-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470+571):567“18”(045)

Исторические науки и археология

В статье анализируются особенности российско-иранских торговых отношений первой половины XIX века в контексте формирования межконфессиональной толерантности. Прослеживается зависимость между конфессиональной принадлежностью и социально-экономическим статусом представителей так называемого «восточного купечества», осуществлявшего торговлю с Россией. Показано, что экономический прагматизм и соображения взаимной экономической выгоды стали прочной основой для стабильного межкультурного диалога и религиозной веротерпимости в отношениях между мусульманами и христианами разных конфессий.

Ключевые слова и фразы: российско-иранская торговля; армянская апостольская церковь; ислам; шииты; конфессиональная толерантность.

Мартыненко Александр Валентинович, д.и.н., доцент

Грачева Елена Захарьевна, к.и.н., доцент

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева

arkanaddin@mail.ru; p629@yandex.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)[©]

Статья выполнена в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования» (Государственное задание Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»).

В настоящее время история предпринимательства остается одним из приоритетных исследовательских направлений в российской историографии. В условиях быстрого (хотя и неоднозначного) развития предпринимательской активности в постсоветской России это представляется неслучайным. Примечательно, что наряду с характеристикой сугубо экономических аспектов его деятельности, внимание также уделяется анализу социально-поведенческих, ментальных и конфессионально-этнических факторов данного процесса. По мнению авторов данной статьи, практически вне поля исследовательского внимания осталась проблема влияния предпринимательской практики на формирование межконфессиональной толерантности, столь актуальной и востребованной в современном обществе. В этом контексте история торгового общения российского и средневосточного купечества как на территории нашей страны, так и за ее пределами заслуживает особого внимания, поскольку представляет собой уникальный опыт многовекового межконфессионального и межэтнического взаимодействия.

Вовлечение представителей торгового капитала Среднего Востока в предпринимательскую деятельность в России являлось одной из характерных черт российской внешнеэкономической политики в этом регионе на протяжении всего XIX века. В условиях, когда отечественная промышленность находилась в фазе становления и не имела достаточного потенциала для организации русско-азиатского товарообмена на стабильной и широкой основе, правительственные круги были вынуждены оказывать поддержку купцам, обеспечивавшим доступ российской продукции на перспективные рынки Каджарского Ирана, ханств Средней Азии и других государств.

В стратегических планах царского правительства Иран занимал особое место по нескольким причинам. После двух успешных русско-иранских войн в этом регионе значительно усилилось российское политическое влияние, в особенности в североиранских провинциях. Туркманчайский (1828 г.) мирный договор, помимо прочего, содержал пункты, определявшие выгодный для России режим торгово-экономических отношений между государствами. В то же время в Иране, как ни в одной другой стране Среднего Востока, сформировалась внутренняя потребность в русских товарах, обусловленная географической близостью и историческим опытом межгосударственной и межнациональной торговли. Это подтверждается и материалами официальной статистики, согласно которым половина всех промышленных изделий, экспортировавшихся в 20-е гг. XIX в. из России в Азию, сбывалась на иранском рынке, в том числе около 60% от общего азиатского вывоза хлопчатобумажных тканей [15, с. 72].

Длительные и регулярные контакты русских и восточных купцов породили свои традиции и устоявшиеся формы организации торговли, определился состав ее участников. С одной стороны, это были представители российского гильдейского купечества, зачастую сочетавшие торговую и производительную деятельность. С другой стороны, закавказские (особенно армянские) и собственно иранские и среднеазиатские торговцы, их доверенные лица (бекили) и многочисленный отряд посредников.

Одна из главных особенностей русско-иранских торговых связей заключалась в том, что активное участие в них принимали армяне, азербайджанцы и другие жители Закавказья. Армянские купцы издавна были основными проводниками внешней торговли Ирана в Российском государстве. Еще со времен царя Алексея Михайловича армянское купечество получило особый статус, выражавшийся целым рядом привилегий,

таких как право торговать и складировать товары в Астрахани и других городах по русской границе, льготные пошлины, гарантии безопасности, предоставление возможности транзита. В дальнейшем преимущества армянских купцов многократно подтверждались императорскими указами и другими правовыми актами. В частности, император Александр I своим указом от 21 декабря 1802 г. закрепил за ними право «производить торговлю всякого рода как внутри России, так и в пограничных городах» [12, с. 79].

Немалую роль в таком отношении играла конфессиональная близость православных русских и армян – христиан-миафизитов. Как известно, армянская апостольская церковь является одной из древнейших христианских церквей, относится к древневосточным православным церквям, имеет ряд существенных особенностей в догматике и культе, отличающих ее как от византийского православия, так и от католицизма. Прежде всего, данная церковь придерживается дохалкидонской христологической доктрины о единстве богочеловеческой природы Иисуса Христа (миафизитство) [17]. Несмотря на сложный характер отношений между византийским и армянским православием, в России и в Русской Православной Церкви армянская апостольская церковь всегда рассматривалась как исторически родственная РПЦ, как и другие древневосточные церкви – коптская, эфиопская, «относилась к так называемым “терпимым”, то есть никогда не запрещавшимся государством» [13, с. 142].

Представители армянского торгового сословия – российские подданные – поддерживали тесные контакты с соотечественниками, проживавшими на территории Османской империи и Ирана. Здесь, в Турции и Иране, находились епархии, подчинявшиеся Католикосу Эчмиадзинскому (Смирнская, Эрзерумская, Трапизондская, Адрианопольская, Фракийская, Египетская и другие), имелись храмы и монастыри Армянской Церкви, которые окормляли местные армянские диаспоры [14, с. 98].

В первой половине XIX столетия армянское купечество по-прежнему занимало безусловно доминирующее положение в русско-иранском товарообмене. События первой трети XIX в., и в первую очередь русско-иранские войны, оказали большое влияние на положение армянских и других закавказских торговцев. Часть их стала подданными России и в то же время еще обладала дарованными ранее привилегиями. Само купечество не стремилось «сделаться русским» в полной мере. Например, довольно долго армянские торговцы не вступали в купеческие гильдии и даже активно сопротивлялись насильственному «записыванию», рассматривая это как покушение на свои права [3, д. 4, л. 7-10].

Закавказские купцы были удивительно мобильны, что подтверждают их коммерческие маршруты. Не случайно известный французский историк Фернан Бродель характеризует армян как «торговую нацию», которая создала в XVI-XVIII вв. широчайшую сеть торговых связей по всему миру и успешно эксплуатировала ее в дальнейшем [7, с. 143-144]. В первой половине XIX века те из них, чья деятельность была связана с Россией, закупали товары в Москве, в Казани, на Нижегородской ярмарке, в других городах и продавали их в Закавказье и в соседнем Иране. В одном из архивных документов, касающихся положения закавказских жителей в 20-е гг. XIX в., прямо говорится, что «весь торг и все сношения с Персией... производятся через армян, сколько по их способностям, столько и по их отличной деятельности» [3, д. 4, л. 8]. Чиновник министерства иностранных дел И. Ф. Бларамберг, посетивший Иран в 1841 г., писал: «Русские изделия, привозимые грузинами и армянами в Тавриз..., отправляются из Нижнего Новгорода, и цена их простирается до 100 тыс. томанов» [6, с. 92]. Другой путешественник и исследователь указывал, что «русских подданных в Тебризе обыкновенно находится до 300 человек, а иногда это число доходит до 500» [5, с. 86]. Подавляющее большинство их состояло из закавказских торговцев.

В российских официальных статистических материалах достаточно долго торговля с Ираном не отделялась от закавказской. Сделать это было трудно хотя бы потому, что, руководствуясь своими коммерческими или иными интересами, армянские и азербайджанские купцы часто меняли места жительства и подданство. Например, в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. из-за войны, эпидемий, чумы 1829 г. и холеры 1830 г. многие богатые купцы переселились из Восточной Армении в Иран [8, с. 204]. Другие торговцы, наоборот, выезжали из северо-восточных иранских провинций и обосновывались в Астрахани, Баку и других городах. Третьи, не меняя места жительства, обращались в русские дипломатические представительства с просьбой принять их в российское подданство, а иногда просто «сказывались русскими». Проверить их было сложно, поскольку многие из торговцев не имели паспорта, удостоверяющего личность, как отмечалось в донесениях русских консулов [17, с. 43-44].

Узкой коммерческой специализации среди армянских торговцев не существовало. Приобретая мануфактуру, сукна и другие товары в Москве, Казани, Нижнем Новгороде и других городах, закавказские купцы, прибывая в Тебриз, сами же занимались их распродажей мелкооптовыми партиями и даже в розницу. Отсутствовали у армянских купцов объединения типа гильдий. Различались они в основном по роду торговли, сотрудничая друг с другом, но при этом не кооперируясь в организационные структуры. В североиранских провинциях в руках армян также находилось большое количество меняльных лавок и контор. Просившие кредиты в России, «купцы рештские, арацкие, ширванские, бакинские и торговцы из соседних с Персией прикаспийских провинций» в самом Иране предоставляли займы под проценты иранским шелковым производителям. В русских консульских документах они часто именуется «капиталистами» [Там же, с. 130].

Несмотря на отдельные столкновения интересов русских и армянских купцов, неизбежные при коммерческой конкуренции, можно говорить о благожелательном, в целом, отношении к закавказским торговцам со стороны отечественных торгово-промышленных кругов. Они рассматривали их как важных посредников в русско-иранском товарообмене, поскольку сами часто просто не отваживались на дальние поездки в Иран по причине как беспокойной обстановки в Дагестане, так и в связи с часто враждебным отношением местных жителей

к православным торговцам. Со своей стороны закавказские торговцы также были заинтересованы в подобного рода контактах, несмотря на транспортные издержки, меняющуюся рыночную конъюнктуру и введение в отдельные периоды таможенных тарифов, благоприятных, скорее, для транзита, нежели для прямого товарообмена.

В первой половине XIX в. активизируется роль в русско-иранской торговле собственно представителей иранского предпринимательского сословия. Чиновники русских дипломатических представительств в Иране внимательно следили за делами местных торговцев, коммерческие интересы которых были связаны с Россией. В консульских донесениях торговля русскими товарами характеризуется как «весьма выгодная». Так российский консул в Астрабаде С. И. Черняев писал: «Хотя персидские купцы вовсе не любят хвастаться барышами, ими получаемыми..., но от многих из них слышал я, что... купец, вывезший в Астрахань здешние произведения и купивший на полученные от продажи оных деньги разных российских товаров..., нередко получает от этих двух оборотов почти рубль на рубль прибыли» [Там же, с. 246]. Однако, при столь очевидной выгоде, немногие иранские купцы (таджеры) решались прочно связать свою коммерческую деятельность с Россией. Причиной такого нежелания, по мнению консулов, было отсутствие у них «необходимых капиталов» как следствие внутриэкономической и внутрисполитической ситуации, сложившейся в стране.

В конфессиональном плане собственно персидские торговцы были мусульманами-шиитами, принадлежавшими к самому влиятельному направлению этой ветви ислама – имамитам (другие названия – джафариты, или иснаашариты, что значит «двенадцатеричники»).

Шиизм (арабское «шиа'» – «партия, группировка») как направление ислама организационно оформился в 50-е гг. VII в., в период гражданской войны в Арабском халифате. Изначально история шиизма связана с личностью четвертого «праведного халифа» Али ибн Аби Талиба (правил в 656-661 гг.), на что, в частности, указывает «Историческая энциклопедия по религиозным школам и мазхабам», изданная в Саудовской Аравии в 1989 г.: «Шииты-имамиты-иснаашариты отделились от мусульман в секту в связи с восшествием на престол халифа Али» [1, с. 299]. Шииты почитают этого исторического деятеля не меньше, чем пророка ислама Мухаммада. Особый статус Али обусловлен его положением ближайшего родственника пророка по мужской линии: сыновья Али от брака с дочерью Мухаммада Фатимой – старший Хасан и младший Хусейн – были внуками и фактически продолжением мужского рода пророка ислама. В связи с этим французский исламовед Анри Корбен указывает на особую роль шиитских духовных предводителей (имамов) в философии, мировосприятии, этосе данной ветви ислама: «Шиитское мышление изначально подпитывалось философией пророческого склада, соответствовавшей пророческой религии. Пророческая философия постулирует мышление, не ограниченное ни историческим прошлым, ни буквой, фиксирующей догматическое учение, ни горизонтом рациональной логики. Шиитское мышление ориентировано на ожидание не открытия нового шариата, но полной манифестации всех тайных смыслов божественных откровений. Ожидание этой манифестации воплотилось в ожидание прихода “скрытого имама” (“имама нашего времени”, скрытого в настоящее время согласно шиизму двенадцатеричников)» [10, с. 39-40].

Шиитские общины традиционно делятся на умеренных и крайних. К умеренным принадлежат имамиты и зейдиты; к крайним – гулат (например, алавиты, ставшие широко известными в последнее время в связи с гражданской войной в Сирии). Обособленное положение в шиизме занимают исмаилиты, испытавшие мощное влияние античной философии, гностицизма и раннего христианства.

В Иране шиизм имамитского толка окончательно утвердился в качестве государственной идеологии в период правления династии Сефевидов (1501-1722 гг.). По поводу этих событий современный французский исламовед Жан-Поль Ру отмечает: «Плотно скрепить составные части иранского пазла позволили личность шаха Исмаила (*основателя династии Сефевидов – Е. Г., А. М.*) и горячая преданность его приверженцев, самые пылкие из которых в конечном счете усмотрели в нем реинкарнацию Али. <...> Так Иран добился единства благодаря шиизму, став единственной мусульманской страной, которая его исповедовала. Этот факт стал для него предметом гордости. Он исполнился презрения ко всем соседям, не разделявшим его веру. В нем он находил силы, чтобы противостоять их нападениям, каковые очевидным образом становились атаками злого начала» [16, с. 306-307].

Торговое сословие в Иране являлось довольно значительной и влиятельной социальной группой, сосредоточенной в городах. Оно преобладало на местном рынке и удерживало определенные позиции на внешнем, наряду с армянскими и европейскими торговцами. Отсюда вполне естественно то внимание, которое уделялось иранскому купечеству в источниках и литературе XIX в. Первое, что отмечалось в них, – «двойственность» социального положения купцов. С одной стороны, они пользовались известным почетом и уважением. Занятие торговлей поощрялось Кораном с важной оговоркой необходимости благотворительности: «Те, которые издерживают свое имущество ночью и днем, тайно и явно, – им их награда у Господа их; нет страха над ними, и не будут они печальны!» (Сура 2, аят 274) [9, с. 59]. В XIX столетии торговый капитал начал играть все более заметную роль в экономической и даже политической жизни страны. Но в то же время деятельность иранского купца зиждилась на весьма зыбкой почве, главным образом из-за отсутствия гражданского законодательства, которое регулировало бы права личности и защищало его имущественное положение. В одном из консульских донесений за 1846 г. указывалось, что «законного ограждения собственности не существует ни для кого» [17, с. 129]. «Страх безначалия, анархии и вообще непрочности вещей» назван здесь самым серьезным препятствием к развитию торговли. В данных условиях, указывал консул, купцы «не рискуют (вкладывать) в заграничные торговые обороты значительных сумм» [Там же]. Отсутствие правовых гарантий сводило на нет все привилегии, имевшиеся у персидских купцов, равно как и их так называемое почетное положение в обществе.

Крупных торговцев было немного. Как отмечал И. Ф. Бларамберг, «между персидскими купцами, обитающими в Тебризе, только 3 или 4 имеют капитал от 30 до 40 тыс. томанов» [6, с. 92]. Другой исследователь к разряду наиболее состоятельных отнес торговцев, располагавших капиталом свыше 5 тысяч и, как правило, специализировавшихся на оптовой торговле европейскими мануфактурными товарами (бонекдары). Подобно русским консулам, он считает русско-иранскую торговлю уделом мелкого и среднего купечества [4, с. 221]. Однако речь здесь шла прежде всего о купцах Тебриза и других городов иранского Азербайджана. Что же касается таких провинций, как Мазандеран, Хорасан и Гилян, то здесь, в местах традиционного преобладания торговли русскими товарами, доставлявшимися из Центральной России и Закавказья, их сбытом занимались «известнейшие персидские купцы». В «Донесении о торговле Гиляна» за 1837 год приводятся фамилии двенадцати «значительных персидскоподданных купцов» и указывается, что «в их руках все... (исключая бакинских минералов) товары, привозимые из Астрахани и Нижнего Новгорода Каспийским морем в Гилян и Мазандеран» [2, д. 271, л. 24 об.]. В качестве одного из доводов в пользу торговли русскими товарами в Иране российские консулы в своих донесениях обращают внимание на тот факт, что многие богатые иранские купцы, ведущие самостоятельную коммерческую деятельность, начинали как мелкие комиссионеры живших в России предпринимателей [17, с. 248]. Сбыт русской мануфактуры, железа и других изделий давал возможности для накопления первоначального капитала.

Русско-иранской торговле рассматриваемого периода была свойственна традиционность и даже, образно выражаясь, некоторая «законсервированность». В первой половине XIX в. она во многом напоминала торгово-экономические отношения XVIII в. и очень медленно трансформировалась, что, безусловно, отражало общее социально-экономическое, а также политическое состояние Ирана в рассматриваемый период. Фактически до 70-80-х гг. XIX в. эта торговля носила сезонный характер, определяемый сроками навигации на Каспии и Волге, а также рядом других факторов. Организаций, аналогичных европейским торговым домам в Тебризе, которые могли бы осуществлять не единовременную, но постоянную доставку русских товаров в страну, почти не было. Лишь в отдельные периоды при энергичных усилиях и поддержке российских правительственных кругов и при паевом участии казны, в Иране действовали компании типа «Московского дома по торговле с Азией» (40-50-е гг. XIX в.). И, как видим, попытки организации русско-иранского товарообмена на более твердых и широких основах предпринимались именно со стороны России. К слову, для иранских купцов деловые связи с Московским торговым домом давали реальную возможность избавиться от притеснений персидских властей, которые «не смели грабить людей, вступавших в денежные обязательства с русскими подданными» [Там же]. Не проявляя личной инициативы и не имея правительственной поддержки в том виде, в каком ее получали их российские партнеры, иранские купцы предпочитали торговать на давно сложившихся принципах восточной торговли. Осуществляя внешнеторговые операции, они использовали рекомендательные письма и «охранительные грамоты» высокопоставленных лиц, личные знакомства, проверенные связи со своими иностранными контрагентами и т.д. [11, с. 140].

Торговый капитал в Иране был тесно связан с ростовщическим. Часть купечества ввоз и вывоз товаров совмещала с ремеслом саррафов (менял), объединявших в себе функции банкиров и ростовщиков. Следует отметить, что неупорядоченность денежной системы, постоянная нужда в кредите создали ситуацию, когда институт саррафов был просто необходим для осуществления торговых сделок, особенно с иностранными партнерами. Именно среди купцов, чья торговая деятельность была связана с Россией, ростовщичество получило широкое распространение, а российское золото и серебро высоко котировалось на иранском рынке [Там же, с. 145].

Таким образом, руководствуясь сугубо прагматическими соображениями, представители торгового капитала Российской империи и Каджарского Ирана выработали модель поведения, отличавшуюся относительной религиозной и этнической терпимостью. По сути, здесь толерантность была обусловлена практической деятельностью, стремлением извлечь максимальную выгоду от торговли, сделав ее более эффективной.

Список литературы

1. Аль-Мавсуа аль-Мосарю фи ад-Дийан ва-ль-Мазхаб аль-Маасара (Историческая энциклопедия по религиозным школам и мазхабам) / на арабском языке. Эр-Рияд: Всемирный форум исламской молодежи, 1989.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а.
3. АВПРИ. Ф. СПб. «Главный архив II-3». Оп. 34.
4. Бакулин Ф. И. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875. 415 с.
5. Березин И. Н. Путешествие по северной Персии. Казань: Тип. Губернского правления, 1852. 445 с.
6. Бларамберг И. Ф. Статистическое обозрение Персии // Записки Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. VII. С. 1-358.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII вв. М.: Прогресс, 1988. Т. 2. Игры обмена. 631 с.
8. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории, их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Мысль, 1976. 455 с.
9. Коран / под ред. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 727 с.
10. Корбён А. История исламской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 360 с.
11. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. 263 с.
12. Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. (по материалам русских архивов). Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1977. 286 с.

13. Нутрихин Р. В. Правовой режим недвижимости Армяно-Григорианской Церкви по российскому законодательству XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 142-144.
14. Об Армяно-Григорианской Церкви в Российской империи // Журнал МВД. 1856. Ч. XX. Отд. II. С. 61-98.
15. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 512 с.
16. Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.
17. Русско-иранская торговля, 30-50-е годы XIX века: сб. документов / сост. Н. Г. Куканова. М.: Наука, 1984. 294 с.
18. Тер-Нерсесян С. Армения. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2008. 188 с.

ENTREPRENEURSHIP AND INTERCONFESSIONAL TOLERANCE (BY EXAMPLE OF THE RUSSIAN-IRANIAN TRADE RELATIONS OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY)

Martynenko Aleksandr Valentinovich, Doctor in History, Associate Professor

Gracheva Elena Zakhar'evna, Ph. D. in History, Associate Professor

Mordvinian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsev'ev

arkanaddin@mail.ru; p629@yandex.ru

The authors analyze the peculiarities of the Russia-Iranian trade relations in the first half of the XIXth century in the context of inter-confessional tolerance formation, trace the dependence between confessional belonging and the social-economic status of the so-called "eastern merchants" representatives, who participated in trade with Russia, and show that economic pragmatism and the system of mutual economic benefits became a strong basis for stable intercultural dialogue and religious tolerance in relations between the Muslims and the Christians of various confessions.

Key words and phrases: the Russian-Iranian trade; the Armenian Apostolic Church; Islam; the Shiahs; confessional tolerance.

УДК 34

Юридические науки

Статья посвящена проблеме выявления функциональных особенностей единиц административно-территориального устройства Российского государства, существовавших в период с 1708 по 1917 гг. Автором делается вывод о синергетическом характере основной функции административно-территориального устройства России XVIII – начала XX века – обеспечении комплексного решения государственных вопросов на местах.

Ключевые слова и фразы: административно-территориальная единица; административно-территориальное устройство; уезд; волость; синергетический характер.

Марушкин Николай Васильевич

Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

mr.mnv@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЕДИНИЦ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРИОДА ИМПЕРИИ: НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ[®]

В разрешении актуальной проблемы обеспечения устойчивого функционирования властных структур на сегодняшний день важнейшее значение приобретают изучение исторического правового опыта формирования и функционирования институтов территориальной организации Российского государства на различных этапах его развития, а также исследование эволюции научных взглядов представителей отечественной юридической науки на процессы и явления, имеющие место в ходе реализации политики государства по оптимизации его территориального устройства.

Принято считать, что начало эволюции административно-территориального устройства Российского государства приходится на 1708 год – момент учреждения первого губернского деления страны и ключевым своим событием имеет формирование к 1713-1715 годам долей [21, с. 191] в качестве составляющих территориального устройства губерний. Представляется вполне определенным, что ключевым значением данного административно-территориального деления, помимо приближения государственного аппарата к населению, являлось достижение целей фискальных. Так, С. А. Тархов справедливо называет доли административно-фискальными единицами [Там же]. Фискальный характер данной реформы также подчеркивал А. А. Кизеветтер [8, с. 97-98]. Близкой изложенным можно считать точку зрения П. Н. Мрочек-Дроздовского, отмечавшего ее преимущественно финансовое значение [15, с. 25].